

Эта пара — один в синем, другой в белом, один сугубо гражданский, другой сугубо военный — неотлучно следовала за князем Цзинем, не отходя от него ни на шаг. Из этого нетрудно было сделать вывод, что князь им безгранично доверял. Станным было лишь то, что оба они не имели ни чинов, ни должностей, ни рангов, да и сами имена их звучали подозрительно вычурно, словно были выдуманы на ходу...

Окрестности города Цзиньян в это время года были полны осенних шорохов и холодных красок, а бескрайние ветры гнали на юг стаи диких гусей, разливая вокруг ощущение пустоты и увядания. Как только отряд покинул ворота Цзиньяна, кони, словно почуяв свободу, сорвались в галоп. Миновав реку Фэньшуй, всадники направились на северо-запад, к горе Люгушань. Этот отрог гор Иньшань славился причудливыми скалами, густыми лесами и багряной листвой, которая, тронутая первыми заморозками, выглядела просто ослепительно.

Вскоре после того, как группа углубилась в горы, им улыбнулась удача: охотники наткнулись на стадо оленей. Всадники тут же натянули луки и помчались в погоню, и уже через некоторое время лошади всех участников были нагружены богатой добычей. Видя, что князь пребывает в добром расположении духа, и подчиненные воспряли духом. Вдали от строгого дворцового этикета, наслаждаясь стремительной скачкой и азартом охоты, люди заметно приободрились, и общая атмосфера стала куда более непринужденной.

Однако стоило им продвинуться дальше, как в лесу вдруг воцарилась неестественная тишина. Птичий гомон и олений рев затихли, словно по волшебству. Кроме шороха ветра в кронах деревьев, не слышно было ни звука.

Пока все недоумевали, в густых зарослях сбоку внезапно что-то зашевелилось. Высокая, в полчеловека, трава заколыхалась, словно от прохождения огромного зверя. Не успели люди опомниться, как раздался оглушительный, содрогающий землю рык, и из кустов выскочил пестрый тигр с горящими, как угли, глазами. Его мощные лапы взметнули фонтаны земли и мелких камней.

Конь того, кто оказался ближе всех к зверю, в ужасе встал на дыбы. Всадник, не удержавшись в седле, полетел на землю.

Последовал еще один леденящий душу рык, от которого у людей заложило уши. Тигр оскалил пасть, полную острых как кинжалы клыков, и, выгнув спину, бросился на упавшего стражника. В тот самый миг, когда хищник уже готов был сомкнуть челюсти на жертве, Шэнь Си ловко спрыгнул с коня, перекатился по земле и, выбрав момент, когда дерево перестало загораживать обзор, пустил стрелу. Она пронзила воздух с такой мощью, словно была способна сокрушить целую армию, и, не отклонившись ни на вершок, вонзилась прямо в левый глаз тигра, заставив глазное яблоко лопнуть с глухим звуком.

Обезумев от боли, тигр в ярости оставил стражника и развернулся к Шэнь Си. Скорость зверя была поразительной: все увидели лишь желтую вспышку, и вот уже тигр, рыча, оказался перед юношей, взметнувшись в прыжке с выпущенными когтями. Шэнь Си замер на месте, не шевелясь — то ли от того, что не успел отреагировать, то ли от оцепенения.

— Няньцин! — Князь Цзинь не успел даже подумать, как тело само бросилось вперед, выхватывая меч.

Глядя, как тигр свирепо летит на Шэнь Си, князь почувствовал, как по спине пробежал холодок, а сердце пропустило удар. Забыв о собственной безопасности, он рванулся вперед. Увидев это, охрана, окружавшая князя, бросилась следом, боясь, что их господин пострадает от когтей хищника.

Однако местность была слишком неровной, а расстояние — слишком большим. Как бы быстро они ни бежали, им было не угнаться за разъяренным тигром. Кто-то из стражников в отчаянии потянулся к луку, но князь Цзинь властным жестом остановил его: тигр был уже слишком близко, и один неверный выстрел мог ранить Шэнь Си, а если стрела попадет в зверя, не убив его, это лишь разозлит хищника еще больше.

Рев тигра, подобный обрушивающемуся горному обвалу, поднял в воздух сухие листья и ветки. Горячее дыхание зверя, смешанное с густым запахом крови, ударило Шэнь Си в лицо, развевая пряди волос и края одежды. Оставшись один на один с хищником, даже такой смельчак, как он, не мог не почувствовать страха. На лбу Шэнь Си проступили мелкие капельки пота, он не сводил глаз с каждого движения зверя, не смея даже моргнуть.

Многолетние походы с отцом закалили его волю: чем опаснее была ситуация, тем сильнее он заставлял себя сохранять спокойствие в ожидании верного момента. У него был лишь один шанс, и в этот миг нельзя было колебаться. В решающую секунду тигр выгнул спину, прижал голову и передние лапы к земле, готовясь к решающему прыжку. Шэнь Си нахмурился — момент настал!

Увидев, как блеснул взгляд Шэнь Си, князь Цзинь немного успокоился. Он уже видел этот взгляд — тогда, под стенами Нинчэна, когда юный генерал Шэнь, стегая коня, врезался в ряды врагов, оставляя за собой горы трупов. Взгляд его был таким же решительным и непреклонным.

Тигр прыгнул. Шэнь Си натянул тетиву до предела, целясь прямо в глотку зверя. Пальцы саднило от натянутой тетивы, но он не обращал на это внимания. В тот самый миг, когда тигр открыл пасть в яростном рыке, юноша разжал пальцы. Раздался звон тетивы, и стрела вонзилась точно в горло хищника. Сила удара была такова, что наконечник пробил глотку, прошел сквозь плоть и, выйдя через затылок, пригвоздил зверя к сухому стволу дерева в нескольких шагах позади.

Едва выпустив стрелу, Шэнь Си бросился в сторону и дважды перекатился по земле, едва успев увернуться от когтей тигра, который по инерции продолжал движение. И все же острые когти успели разорвать одежду на его плече, обнажив часть крепкой груди, но, к счастью, не задев кожу.

Все затаили дыхание. Шэнь Си, припав к земле, словно скорпион, сжимал в руках стальной кинжал. Глаза его, яркие и сосредоточенные, следили за каждым движением зверя, готовые в

любую секунду вонзить лезвие в подбрюшье и вспороть хищнику живот.

Тигр сделал еще несколько нетвердых шагов и рухнул на землю, загребая лапами сухие листья и грязь. Он еще долго бился в агонии, издавая жалобные звуки, но наконец затих. Шэнь Си осторожно поднялся, попытался подойти ближе, еще ближе, и, убедившись, что тигр не дышит, шутливо хлопнул его по туше. Кто бы мог подумать, что зверь еще не испустил дух? От этого хлопка тигр вдруг вскинул голову, оскалил клыки и издал оглушительный рык. Шэнь Си в испуге отпрянул, споткнулся о камень и с грохотом сел на землю.

— Ох! — воскликнули окружающие, инстинктивно протянув руки, словно пытаясь помочь.

К счастью, этот последний рык стал предсмертным — тигр окончательно испустил дух. Шэнь Си, которого ничто не могло испугать, вновь набрался храбрости и подошел к добыче. Убедившись, что зверь мертв, он не смог сдержать восторга, вскинул руки к небу и победно прокричал Ха!, ослепительно улыбнувшись во все свои белоснежные зубы.

Стражники, большинство из которых были молодыми парнями лет двадцати, заразившись восторгом Шэнь Си, забыли о субординации. Они толпой бросились к нему, хлопая по плечам, взъерошивая волосы, а некоторые уже начали обсуждать, с какой стороны лучше начать снимать шкуру. Только Гу Чжоцзы и Ту Моэр остались стоять позади князя Цзиня: один, помахивая веером, улыбался про себя, другой, положив руку на рукоять меча, хранил полное бесстрашие.

Когда шум утих, князь Цзинь неторопливо подошел к ним и с деланным упреком произнес: Эх, видно, я слишком привык к покою и стал стар, раз не могу смотреть на подобные кровавые сцены без содрогания. Няньцин, умоляю, впредь не заставляй меня так волноваться.

Он повидал немало опасностей и пережил немало потерь, князь Цзинь был тем человеком, который мог вести светскую беседу, даже если ему вонзали нож в самое сердце. Но на этот раз он так перепугался за Шэнь Си, что его нижняя рубаха на спине насквозь промокла от пота.

Обычно Шэнь Си вел себя сдержанно и рассудительно, но стоило ему столкнуться с чем-то новым и захватывающим, как его истинная натура маленькой мартышки проявлялась во всей красе. Услышав слова князя, он пропустил их мимо ушей, а вместо этого с гордостью потащил его хвастаться трофеем: Господин князь, я так долго гостил у вас в поместье, был обласкан заботой, так пусть эта тигровая шкура станет моим скромным подношением в знак благодарности!

Князь Цзинь про себя горько усмехнулся: Шэнь Сяоуэр, ну что же ты за человек! В моем поместье чего только нет — от редчайших диковин до экзотических зверей, неужели мне нужно, чтобы ты рисковал жизнью ради этой шкуры?

Он поднял взгляд и встретился с глазами Шэнь Си — черными, блестящими, полными детской радости. Лицо юноши было испачкано пылью и грязью, но выражение его было таким искренним и открытым, что князь не решился омрачить его восторг. С деланной радостью он

поблагодарил его: Раз так, то я не смею отказываться! Прикажу по возвращении сделать из нее подстилку, положу на кушетку в кабинете. Думаю, зимой, читая книги, я буду вспоминать этот подарок и мне не будет холодно!

Вечером отряд разбил лагерь на ровном участке долины. Пока стражники разводили огонь и жарили оленину, князь Цзинь велел принести сменную одежду и, позвав Шэнь Си, направился к видневшимся неподалеку скалам. Обогнув несколько каменных пиков, они неожиданно вышли к естественному горячему источнику, от которого поднимался густой белый пар.

Няньцин, ты сегодня полдня валялся в пыли, должно быть, ужасно себя чувствуешь. Давай-ка искупаемся. Князь, не дожидаясь ответа, сбросил верхние одежды и вошел в воду. Стражники отошли на несколько десятков шагов, чтобы караулить периметр. Вода в источнике была приятной, обволакивающей, с терпким запахом серы. Усталость как рукой сняло. В прежние времена, охотясь в этих горах, князь часто заглядывал сюда, чтобы расслабиться.

Шэнь Си стоял на краю бассейна, не двигаясь, с каким-то странным выражением лица. Он даже сглотнул слюну и пробормотал: Я... благодарю за предложение, господин князь, но, пожалуй, воздержусь...

Сначала князь подумал, что юноша стесняется купаться вместе с ним, но, приглядевшись, понял, что дело не в этом. Шэнь Си не был жеманным, скорее, он чувствовал себя не в своей тарелке. Князь добродушно поманил его рукой: Мы вдаль от дома, забудь о правилах. Здесь нет ни князя, ни гостя, ты — просто Шэнь Няньцин, а я — Вэй Шоучжи.

Шэнь Си, казалось, был тронут его искренностью. Он подошел к краю и опустил руку в воду, с глуповатым видом озираясь по сторонам. Князю редко доводилось видеть Шэнь Си таким забавным, и он, поддавшись озорному порыву, тихо подкрался к нему и, воспользовавшись моментом, схватил за полу халата и дернул в воду. Раздался громкий всплеск. Шэнь Си провалился под воду, беспомощно размахивая руками и болтая ногами, но никак не мог вынырнуть, лишь пуская пузыри.

Поняв, что что-то не так, князь испугался и поспешно вытащил его за плечи из воды. Шэнь Си тут же вцепился в пояс князя, как утопающий за соломинку, и наотрез отказался отпустить. Князю ничего не оставалось, как, полюбняв, вытащить его на берег.

Шэнь Си сильно закашлялся, выплевывая воду, лицо его побагровело, он тяжело дышал: Вэй Шоучжи, ты! В пылу гнева он выкрикнул личное имя князя, но тут же осекся, поняв, что натворил, и проглотил остальные ругательства.

Бассейн был неглубоким — самое большее, по грудь, но Шэнь Си вел себя так, будто попал в кипящее масло. Он привык к гордости, и теперь, когда его застали в таком нелепом виде, он был взбешен и смущен одновременно. Князь знал, что виноват сам, поэтому не обиделся на его дерзость. Велев подать чистую одежду, он не удержался от смешка: Няньцин, кто бы мог подумать! Ты, человек, который не боится ни армии, ни тигра, испугался лужи воды! Ха-ха-ха...

Шэнь Си сердито сверкнул глазами, надулся и отказался разговаривать. Стоя на гладких камнях, он быстро сбросил мокрую одежду. Его крепкая грудь тяжело вздымалась, а кожа в лучах заходящего солнца отливала золотом. Капля воды скатилась по его щеке, прочертила дорожку по длинной шее, легла на ключицы... Это было тело человека, привыкшего к седлу: прямая спина, плоский живот, рельефные, крепкие мышцы...

Князь не мог отвести взгляд. Шэнь Си был таким молодым, таким полным жизни, что даже пыль и кровь не могли скрыть его сияния. Там, где он появлялся, становилось светлее. Его красота была живой, стремительной и порывистой — она не шла ни в какое сравнение с нежными, изнеженными юношами из поместий, наряженными в шелка и бархат.

Он был как меч древнего мастера — на вид простой и неказистый, но на деле — величайшее сокровище. Обычный человек видит в нем лишь кусок старого железа, и только истинный знаток способен оценить его мощь. Но и знатоку не всегда под силу удержать такой меч в своих руках.

Глядя на Шэнь Си, князь Цзинь слегка прищурил свои глаза-фениксы, улыбнувшись про себя. Все лучшее в этом мире достается тем, кто умеет этим владеть — будь то империя, норовистый конь или этот смуглый юноша...

Когда князь вернулся в лагерь, оленина на огне уже подрумянилась, источая аппетитный аромат. Стоило посыпать мясо солью и специями, как пламя взметнулось вверх, а жир с шипением начал капать на угли — одного этого звука было достаточно, чтобы разыгрался зверский аппетит.

Стражникам, находившимся при исполнении, пить вино запрещалось, поэтому они, набив животы, вскоре разошлись по дозорам. Шэнь Си, не доев порцию, остался в одиночестве. Огорченный тем, что вечер испорчен, он доел оленью ногу, взял бурдюк с вином и, пошатываясь, направился к обрыву, где, прислонившись к скале, начал в одиночку пить под лунным светом.

Князь Цзинь последовал за ним. Он без всяких церемоний сел рядом, плечом к плечу, и протянул Шэнь Си свой бурдюк: Няньцин, сегодня я перегнул палку с этой шуткой. Прощу, не держи на меня зла.

Князь сам просил прощения, на что Шэнь Си лишь беспечно рассмеялся: Это такая мелочь, не стоит даже упоминать. Если бы я всерьез обиделся, ты бы сейчас здесь не сидел в целости и сохранности.

На самом деле, Шэнь Си отчетливо запомнил, как князь выкрикнул его имя в тот момент, когда тигр бросился на него. И пусть у князя были свои причины усыновить его, в тот критический миг он действительно беспокоился о нем от всего сердца. Шэнь Си принял эту благодарность, и остальное его уже не волновало.

У тебя рот маленький, а аппетит до разговоров — огромный, — князь с бессильной улыбкой

покачал головой, чувствуя легкое беспокойство. Этот мальчишка был слишком дерзок, слишком горд. В будущем это может сыграть с ним злую шутку.

Шэнь Си махнул рукой: Я всегда говорю правду. Я силен, хорошо держусь в седле, умею командовать войсками — разве это не так? Зачем скрывать? Если во всем искать подвох, говорить лишь часть правды, а остальное додумывать — так ведь можно и с ума сойти от скуки... — Он мельком взглянул на князя и тихо добавил с обидой: — Я же не говорил, что умею плавать или управлять лодкой...

Увидев этот по-детски обиженный взгляд, князь расхохотался. Да, именно эта прямолинейность и была самой большой ценностью Шэнь Сяоуэра. Если бы он стал осторожным и расчетливым, его обаяние исчезло бы навсегда.

Няньцин, ты такой же чистый, как это ночное небо над Люгушань, усыпанное звездами, — князь кивнул с одобрением. — Разговоры с тобой приносят мне истинное удовольствие.

Получив такую похвалу, Шэнь Си лишь хмыкнул: Я не очень-то доверяю словам князя. — Он тут же рассмеялся и сменил тему: — Говорят, на пьяную голову говорят правду. А ваша выдержка вызывает восхищение — сколько мы ни пили, я ни разу не видел вас пьяным.

Князь замер, а затем улыбнулся: Пьянство — это ведь не только количество вина, но и состояние души. Опьянить может не только алкоголь, но и людские дела. Я никогда не напиваюсь от вина, лишь от своих мыслей.

Шэнь Си выпятил губу: Что за интерес — пить и не хмелеть? Это как быть мастером боевых искусств, у которого нет соперников — одиноко и скучно.

Чем шумнее пир, тем тоскливее после него, — князь сделал большой глоток вина и устремил взгляд в пустоту. — В последний раз я напивался в стельку лет пятнадцать назад. То было прекрасное время: господин Цзи играл на цитре, брат Ту танцевал с мечом, а я с братом Бошэном спорил, кто выпьет больше... Увы, вскоре все они разбрелись кто куда, а многие ушли из жизни. Теперь я владею половиной страны, но мне не с кем выпить от души. Одни боятся меня из-за титула, другие льстят ради выгоды, а третьи сегодня пьют со мной, а завтра всадят нож в спину...

Шэнь Си поднял голову на луну и с сочувствием вздохнул: Эх, не зря говорят: на вершине всегда холодно.

Видя, что князь приуныл, он поспешил перевести разговор в более легкое русло: Хорошо, что я из простой семьи и не знаю этих печалей. У меня три старших брата — все любители выпить, но отец в детстве держал нас в ежовых рукавицах и пить не разрешал. Мы часто воровали вино из кухни, пока отец спал. Старший брат разрабатывал план, второй отвечал за доставку, третий караулил...

— А ты, выходит, только пил? — рассмеялся князь.

Шэнь Си загадочно подмигнул: Нет, я отвечал за то, чтобы принять наказание, если нас поймают. Я был младшим, отец и бабушка меня жалели. Братьям доставалось по первое число, а мне — максимум пара часов на коленях в родовом храме. Вот отец и винит себя до сих пор, что избаловал меня.

Князь решительно кивнул: В таком случае, я должен поблагодарить старого генерала Шэня.

Шэнь Си не понял: А при чем тут вы?

Если бы старый генерал не приучил тебя не бояться ни бога, ни черта, разве пошел бы ты самовольно снимать осаду с Нинчэна? Если бы ты не поспел вовремя, как бы я спасся? И как бы я... — князь намеренно растянул слова, — ...нашел такого интересного приемного сына?

При упоминании Нинчэна Шэнь Си невольно вспомнил Вэй Юй. Интересно, где сейчас Болин, с кем он и смотрит ли сейчас на ту же самую луну?

Заметив, что Шэнь Си замолчал, князь подумал, что тот загрустил по дому, и, подняв бурдюк, предложил: Ладно, не будем о прошлом и будущем. Сегодня, Няньцин, давай просто выпьем... Нет, не с князем Цзином, а с Вэй Люем.

Шэнь Си помедлил, а затем с понимающей улыбкой ответил: Шоучжи, сегодня пьем до утра!

Князь пришел в восторг, сделал несколько больших глотков и, не удержавшись, спросил: Няньцин, ты ведь уже не мальчик, нет ли у тебя на примете девушки?

Шэнь Си пренебрежительно скривился: Зачем мне девушка? Настоящий мужчина должен стремиться покорить мир, а семья — это лишь лишние заботы. Края не усмирены, враги не повержены, так о какой семье может идти речь?

Няньцин, ха-ха-ха... — князь рассмеялся. — Это ты еще не знаешь, что такое любовь, не встретил ту, что по душе. Как встретишь — сам все поймешь.

Откуда тебе знать, что я... — Шэнь Си хотел возразить, но сам покраснел. Он натужно кашлянул и встал. — Такая луна, такое вино — о какой любви речь? Мы не девицы из закрытых покоев. Может... сразимся на мечях на спор, кто больше выпьет?